

3. Zagórski I. Monety dawnej Polski zakoteż prowincyj i miast do niéj należących, z trzech ostatnich wieków. / I. Zagórski – Warszawa, w drukarni przy ulicy Rymarskiej N.743, 1845. – 191 s.

4. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. – МК 177. – Режим доступа: <http://agadd2.home.net.pl/metrykalia/МК/0177/dirindex.html> – Дата доступа: 1.02.2024.

5. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. – МК 174. – Режим доступа: <http://agadd2.home.net.pl/metrykalia/МК/0174/dirindex.html> – Дата доступа: 1.02.2024.

6. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. – МК 176. – Режим доступа: <http://agadd2.home.net.pl/metrykalia/МК/0176/dirindex.html> – Дата доступа: 1.02.2024.

7. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie [Электронный ресурс]. – МК 180. – Режим доступа: <http://agadd2.home.net.pl/metrykalia/МК/0180/dirindex.html> – Дата доступа: 1.02.2024.

УДК 94(4):316.647.8(=162.1)«17»

А. М. Кротов

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ПОЛЬША И ПОЛЯКИ XVIII ВЕКА: ОБРАЗ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ-ЕВРОПЕЙЦЕВ

В статье рассматривается образ Польши и поляков, сформированный в XVIII в. в восприятии европейцев. Опираясь на сочинения побывавших в Польше интеллектуалов из их числа, автор приходит к выводу, что, познакомившись с реалиями её жизни и осмыслив увиденное, они создали некомплементарный образ погружённой в анархию страны; государства, находящегося в упадке, неспособного противостоять захватническим устремлениям соседних держав; народа, который заслуживал лучшей участи, нежели та, которую ему уготовила безраздельно господствовавшая в стране шляхта, вид, поведение и менталитет которой расценивались как весьма экзотические.

Процесс формирования этноса длителен, сложен и многогранен. Признаком его законченности является возникновение этнического самосознания – чувства принадлежности к конкретному этносу, в основе которого лежит представление об общности происхождения и исторических судеб, входящих в него людей, а также представление об отличии этноса, воспринимаемого как «свой», от других, «чужих» этносов.

В своё время Дж. А. Тойнби предлагал теорию этногенеза, в которой развитие этносов объяснялось чередованием «вызовов» из окружающего мира (в том числе и от других этносов) и способностью дать успешный «ответ» таким вызовам. И хотя эта теория подвергалась критике, вряд ли стоит сомневаться в том, что внешняя опасность является едва ли не главным фактором формирования этноса, поскольку консолидирует его и побуждает к противодействию. Характер такого противодействия зависит от многих факторов, в числе которых находятся степень пассионарности этноса, а также особенности этнического характера и менталитета.

Существует множество трактовок термина «нация». В современной социальной науке и праве под нацией понимаются два типа человеческих сообществ: совокупность граждан одного государства (политическая, или гражданская нация) и этническая общность.

По большому счёту нация – это воображаемое сообщество, не существующее в завершённом виде. Процесс её формирования перманентен. Он не идёт сам собой – его кто-то организует, направляет, руководствуясь, прежде всего, целью сохранения этой нации, созданного ею государства, культуры и пр. Это даёт право считать, что нации конструируются. Очень важную роль в процессе «конструирования» наций играют учёные, писатели и поэты, художники и музыканты.

Особенно явственно это себя проявляет в случае с Польшей и поляками, которые в период с 1795 по 1918 г. не имели собственного государства. Богатое культурное наследие польского народа в это тяжёлое для него время сохранялось и преумножалось представителями польской общественной элиты и интеллектуалами, которые грезил о восстановлении независимости. Стараясь пробудить этнорелигиозные чувства поляков, они предпринимали усилия, направленные не только и не столько на реконструкцию национальной истории, являвшуюся источником жизненных сил польского народа, сколько на новое её истолкование. Польская история обрастала мифами, легендами, символами, обретавшими характер национальных, художественными интерпретациями всякого рода воспоминаний и пр.

Нельзя не согласиться с российским историком А. Г. Васильевым, изучавшим «гибель Польши» как образ-воспоминание польской историографии периода разделов, что «утрата государственности в последней трети XVIII в. привела к тому, что именно историческому сознанию принадлежит значительный перевес в структуре польской национальной идентичности» [1, с. 216].

В образе прошлого любого народа одни периоды фаворизируются, другие же, наоборот, являются «пустыми». Это своеобразные «вершины» и «долины» коллективной памяти [1, с. 223]. И польский народ – не исключение. В его исторической памяти также выделяются определённые события, получающие статус «поворотных моментов истории», с которых начинается новая эпоха и происходит полный разрыв с прошлым. Но ни одно из них не травмировало так глубоко историческое сознание поляков, как «падение Польши», её разделы. Понять и принять произошедшее было практически невозможно... Действительно, как могла из Вены, спасённой польским войском от турецкой осады в 1683 г., исходить инициатива раздела Польши? Как могло случиться, что её просвещённые западные соседи смогли найти общий язык с Россией, от которой Польша их «веками защищала»?! Как могла Польша оказаться настолько слабой?

Во внутренних причинах, которые к этому привели, поляки всерьёз не разбирались. Для объяснения им было вполне достаточно внешних факторов. Сама же трагедия вдохновила их на новое мифотворчество, в рамках которого Польша предстала в образе мессии, который должен был ввести человечество в эпоху счастья. Польский мессианизм XIX в., развитие которого было спровоцировано разделами Польши, явился «новой польской апологетикой, основанной на сопоставлении исторических событий Ветхого и Нового Заветов с исторической судьбой Польши и польского народа» [2].

Однако с точки зрения объективной, не мифологизированной истории, выяснение причин, которые привели к гибели польское государство, а вместе с ним и всю Речь Посполитую, представляется весьма актуальным, ибо исторический процесс, как известно, цикличен. Нежелание учитывать уроки прошлого, как показывает история, оборачивается необходимостью повторения этих уроков.

С одной стороны, память о трагедии «разделов» способствовала сохранению этнонационального единства польского народа и возрождению независимого польского государства в 1918 г. С другой же, она сделала частью культурного достояния польского народа «вплетённые» в его легендарно-мифологическую традицию фантазии, имеющие политическую подоплёку, которые являлись и продолжают являться фактором, не дающим покоя ни самим полякам, ни их соседям.

В частности, польская национальная идентичность, связанная в сознании поляков с понятием «польскость», предполагает существование у каждого поляка образа Отечества,

т. е. Польши, а также чувства принадлежности к особой гомогенной национальной общности, объединённой единством языка, верований, быта, нравов, обычаев, исторической судьбой и солидарностью социальных и политических интересов – к польскому народу.

В первом случае возникает проблема определения границ этого польского «Отечества». Во втором – с тем, кого же следует считать поляком. И то, и другое связано с польской национальной идеологией с её максималистскими установками.

Истинные причины, приведшие Польшу в последней трети XVIII в. к катастрофе, вытекали из особенностей её политического и социального устройства. Это было очевидно всем, за исключением самих поляков.

В числе этих «всех» были также и выходцы из европейских стран, которые, побывав в Польше и прожив там какое-то время, в своих сочинениях выходили на польскую тематику и давали довольно чёткие, а главное – беспристрастные характеристики всему тому, что им пришлось там увидеть. Прежде всего это касается французов, которые с точки зрения поляков всегда были «истинными друзьями Польши». В этой связи нельзя не отметить, что в период разделов Франция действительно стояла в стороне. Правда дальнейшая история франко-польских отношений показала, что в геополитических играх Франции, революционной ли она была или наполеоновской, Польша была «разменной монетой», а сами поляки – «пушечным мясом».

Одним из создателей в восприятии европейцев XVIII в. образа Польши и поляков был Жак-Анри Бернард де Сен-Пьер – французский писатель, путешественник и мыслитель, который оказался в Польше в 1764 г., в период бескоролья, наступивший после смерти короля Августа III. Там он ввязался в политические интриги, поддерживав князя Радзивилла Пана Коханку в его борьбе с будущим королём, графом Понятовским, за что даже посидел в тюрьме, куда его заточили Чарторыйские [3, s. 14–15]. Пребывание де Сен-Пьера в Польше было непродолжительным, но очень насыщенным. У него появилось достаточно оснований для того, чтобы дать объективную, потому нелестную для поляков оценку увиденному: «В Польше существует множество мелких князей, которые не имеют ни денег, ни двора. Чтобы придать блеск своей свите, которую они не в состоянии увеличить, они присваивают её членам звания капитанов и полковников. Когда они совершают визиты, войско это, насчитывающее больше офицеров, нежели солдат, остаётся в зале и иногда прислуживает своему господину при столе. Их развлечения не умнее их тщеславия; они не могут занять себя ничем полезным, <...> отупляют пьянством свой слабо развитый ум. В этой стране <...> доверяют образованию своих отпрысков французским лакеям, которые деморализуют их лестью. Эти чужаки в скверных стихах возвещают, что ясновельможный пан в какой-то день станет надеждой отечества и восхваляют его род, из-за чего они все считают, что пан гувернёр – это особо ценный человек. <...> Лакеи маршалка великого были капитанами, домашние учителя – полковниками» [4, s. 206].

Де Сен-Пьер заключал, что в Польше никто по-настоящему не заботится об интересах государства и страны, что интересы эти были попорчены теми, кто должен был их блюсти и защищать. В результате страна превратилась в арену соперничества великих держав, последствия которого ничего хорошего ей не сулили: «В Польше существует столько спорных интересов, сколько там есть сильных родов и сколько существует в Европе великих держав, которые имеют деньги для того, чтобы их потратить. Сильные роды находятся под влиянием женщин, поддерживающих Францию из-за своего интереса к моде и украшениям, другие имеют интерес к саксонскому фарфору, а иные, будучи ценителями изысканных венгерских вин, к Австрии, но всякий раз верх берут великие державы, которые имеют солдат. Россия трижды занимала польский трон» [4, s. 210]. В Польше же, как констатировал де Сен-Пьер, «большинство генералов не видели войны», а «военная служба находится в великом презрении» [4, s. 206]. Бедствия страны и причины развала польского государства де Сен-Пьер связывал с этническими особенностями поляков: «Нет народа, который бы так быстро забывал и об оскорблениях, и о благодеяниях. Поляки руководствуются сиюминутным инте-

ресом, не строят планов на будущее и не извлекают уроков из прошлого» [4, s. 207]. Обращает внимание де Сен-Пьер также на сходство между поляками и татарами: «Костюм поляка состоит из: из суконного халата с разрезными рукавами и шёлкового кафтана под ним, скреплённого поясом, из которого висит длинная сабля. Они постоянно носят обувь на высоких каблуках, ездят на лошадях не так изящно, как татары, пользующиеся для этого кнутом, а используют вместо него шпоры. Все они носят усы и бреют головы, покрывая их шапками с оторочкой из светлого меха» [4, s. 202–203].

Как и де Сен-Пьер, аналогию между степняками и поляками увидел также Уильям Кокс, английский священник, более прославившийся как историк, автор ряда популярных трудов, среди которых было и «Путешествие по Польше, России, Швеции и Дании» [5], написанное по итогам гран-тура, который он совершил в качестве наставника лорда Джорджа Герберта, сына графа Пембрука. Кокс пишет по этому поводу: «Чертами лица, обычаями, одеждой, фигурой и общим внешним видом поляки напоминают скорее азиатов, чем европейцев, и нет сомнения, что они происходят от татарских предков. Один из немецких историков (Кокс ссылается на взгляды немецкого историка XVII в. Иоганна Якова Маскова – А. К.), прекрасный знаток древней истории народов, заметил, что то, как поляки бреют головы, является, пожалуй, одним из древнейших признаков их происхождения. В начале V века у некоторых народов, известных под общим названием скифы, всё ещё был такой обычай носить волосы» [5, s. 648].

Своё мнение о Польше и поляках оставил также лотарингец Юбер Вотрен, нанятый губернёр (1777–1781 гг.) Казимира Нестора Сапеги его матерью – Эльжбетой, сестрой Великого гетмана Польской Короны Францишка Ксавери Браницкого, в книге «Наблюдатель в Польше» [6], опубликованной в 1807 г. Он был очень разочарован своим пребыванием в Польше и в людях, с которыми ему там пришлось иметь дело. Отношения между Вотреном и его воспитанником не заладились. Последний оказался несносным лицемером. Поэтому намерение Эльжбеты сделать из него с помощью Вотрена государственного деятеля, достойного его собственных и материнских амбиций, не реализовалось. И нанимательница не заплатила Вотрену за его услуги.

В итоге знакомства с семейством Сапег и взяв «на вооружение» цитату Ювенала «Если ты хочешь познать человеческий нрав, тебе хватит Дома хотя б одного» [7] Вотрен в своей книге, имеющий характер памфлета, создал некомплементарный образ Польши и поляков, в котором нашли отражение климатические особенности страны, происхождение польского народа и его характеристика, особенности политического устройства, экономики (прежде всего – область финансов), религия. Причём наибольшее внимание было уделено этническим особенностям поляков и политическому устройству Польши [6]. Он писал, что французы нигде не имеют таких прилежных подражателей, как в Варшаве, однако вне столицы они совмещают французскую вежливость со скифской брутальностью и азиатским бытом [8, s. 788]. Говоря об этнокультурной «гутаперчивости» польской знати, он писал: «В Париже поляк умеет быть парижанином, в то время как немец остаётся немцем, а англичанин скорее всего будет ещё большим англичанином, чем в Лондоне» [8, s. 788]. Удивляться этому видимо не стоит – многие из предков этих поляков имели непольское происхождение (восточнославянское или литовское, например). Так что традиции этнической мимикрии в среде польской шляхты существовали. Были живы и её навыки...

Вотрен отметил, что почти все варшавские дамы являлись большими модницами, предпочитая при этом иностранные платья, а не польские: «Как только в Париже создаётся новый наряд <...> он немедленно попадает с портновским манекеном в Варшаву, а отсюда и в провинцию» [9]. Всё это стоило больших денег, и польских модниц обвиняли в том, что, покупая роскошные наряды во Франции, они разоряют свои семейства. Впрочем, эти обвинения их трогали мало... Вотрен писал, что польки своим поведением демонстрируют просто непристойную свободу: «Полька <...> может сама сказать мужчине, что он ей нравится» [8, s. 786].

Французский литератор, католический монах–ораторианец Луи-Антуан Караччиоли служил гувернёром в доме полевого гетмана Короны Вацлава Ржевуского. В 1775 г. он опубликовал трактат «Польша, какая была, какая есть, какая будет», в котором восхвалял патриотические и республиканские добродетели польской шляхты [7]. Делал он это и в других своих сочинениях. В частности, в книге «Истинный мантор, или воспитание дворянства...» Караччиоли писал о Варшаве и поляках следующее: «Варшава представляется <...> свободной, открывающей свои границы для всех иностранцев, и кажется, как будто бы она их зовёт, чтобы они пришли в пределах её насладиться приятностями <...> Можно сказать, что в Польше дворянство живёт великолепно, и должно признаться, что нет в свете народа, который бы странноприимство (деятельность, связанная с приемом странников – А. К.) столь часто и щедро соблюдал, как поляки» [10, с. 131–132]. Недостатки в военной, в частности, области, которые Караччиоли смог рассмотреть, с его точки зрения носили преходящий характер и вполне могли быть устранены: «Если Польша не достигла до таковых сил, которые бы она от пространной обширности своих земель иметь могла, то сие происходит конечно не от недостатка мужества, потому что нет храбрее польского шляхетства; но ему недостаёт к устрашению своих соседей пехоты. Можно смело сказать, если сие мужественное шляхетство спешить, то оно будет непобедимо» [10, с. 137].

В 1755 г. французский посол в Варшаве Шарль-Франсуа, граф де Бройль, рекомендовал французскому дворянину Сезару Фелисити Пиррису де Варилью стать воспитателем сыновей известной в то время в Польше поэтессы и филантропки Барбары Сангушко, являвшейся дамой с интеллектуальными амбициями, активно участвовавшей в политической жизни. В частности, она организовала салон в Поддембице (в центральной Польше, ныне входит в Лодзинское воеводство – А. К.), смоделированный по образцу французских салонов XVIII в., где собрались интеллектуалы, художники и политики. Де Вариль был связан с семьей Сангушко до смерти своей покровительницы в 1791 г., дав образование не только её сыновьям, но и внуку. Он находился при ней в Варшаве, а также в её резиденции в Любартове, участвуя в её светских и литературных развлечениях.

Уже в конце правления Августа III, в 1760 г. де Вариль написал труд под названием «Политическое собрание, или краткое описание различных разновидностей польского правления», который в 1762–1763 гг. по приказу русского воеводы Августа Чарторыйского издавался дважды. Это указывает на политические связи автора в этот беспокойный период, связанный со смертью Августа III и выборами на королевский трон Станислава Августа Понятовского, кандидатура которого была выдвинута партией Чарторыйских. Его заслуги перед семьями Сангушко и Чарторыйских были столь велики, что Пиррису де Варилью на коронационном сейме 1764 г. было даровано гражданство Короны Польской. В эпоху Барской конфедерации он рекомендовал полякам придерживаться национального согласия. Эти мысли он записал в 1769 г. в «Письмах о текущей ситуации в Польше». Публикация в Лондоне его «Политических размышлений в Полонии» вызвала дипломатический скандал и вынудила автора отправиться в Париж, откуда он вернулся только в 1777 г. [7].

В изданном в 1760 г. в Варшаве сочинении «Политический компендиум» де Вариль писал о том, что из всех европейских народов именно поляки лучше других сохранили у себя свободу, однако современная ему Польша страдает от аристократических вожделений, отсутствия твёрдых законов и сильной власти. Он пишет: «Это – настоящее чудо, что вы могли существовать столь долго в таком беспорядке» [1, с. 239]. Отсюда – логичный вывод, что падение Речи Посполитой закономерно и что оно является следствием нарушения общего закона, который никакое общество не может нарушить безнаказанно. Этот закон де Вариль сформулировал следующим образом: «Нет общества без законов, тщетны законы без власти, нет законодательной власти без высшей власти» [1, с. 239].

Последними записями впечатлений и наблюдений из поездки в Польшу в конце XVIII в. являются рассказы французских политических эмигрантов, бежавших из своей

разорённой революцией страны. Альфонс-Гуссен-Жозеф-Андре-Мари-Марсель де Фортиа де Пиль и его товарищ Пьер-Мари-Луи де Буажелен де Керду опубликовали в Париже в 1796 г. написанную в соавторстве книгу «Поездка двух французов в Германию, Данию, Швецию, Россию и Польшу, совершённая в 1790–1792 гг.» [11]. Оба путешественника были аристократами, роялистами и солдатами, покинувшими Францию не по доброй воле, а из-за опасений по поводу развития политической ситуации.

Де Пиль и де Керду писали, что Польша является аристократической республикой, в которой шляхта обладает суверенитетом и независимостью, но она также является и монархией, ибо есть король: «Эта чудовищная смесь породила наиабсурднейший строй, который существовал когда-либо, коротко говоря, – ни монархия, ни республика, а полная анархия. Его сохранение соответствует интересам шляхты, которая единственная из этого извлекает пользу. <...> Народ состоит только из двух классов: панов и холопов. Паны не только властвуют над своими холопами, но и принимают деятельное участие в делах управления» [12, s. 716]. «Шляхта (вообще – А. К.) делится на две части: сенат и рыцарство (собственно шляхту – А. К.). Сеймы состоят из сенаторов и шляхтичей, послов со всех воеводств. Обычно сеймы собираются через два года, чрезвычайные же тогда, когда этого требуют обстоятельства. На воеводские сеймики шляхта является вооружёнными ватагами и там часто проливается кровь. Вся земля находится в руках шляхты. Свобода шляхтича – полнейшая. Анархия является наилучшей формой правления для тех, кто с этого получает выгоду, потому они всегда прилагают всяческие усилия для того, чтобы продолжить её существование. Короля выбирает общий собрание, которое собирается в полумили от Варшавы в месте, которое предназначено для этой цели» [12, s. 717].

Говоря о шляхетской демократии и так называемых «золотых вольностях», де Пиль и де Керду приходят к весьма объективным выводам: «В глазах поляка настоящей сущностью свободы является вето, которое может выкрикнуть наиникчёмнейший шляхтич, принимающий участие в сейме. На этом сейм завершается, а послы разъезжаются по домам <...> Что это за демократия, которая в такой свободе имеет негативную цель? Никакой, если правящее собрание подчиняется сопротивлению одного человека, который может быть подкуплен королём или иностранным государством, пьян, ослеплён, неспособен отличить правду от лжи. Но польский шляхтич находит удовольствие в факте, что, не являясь королём, благодаря <...> такому бессмысленному вето он будет принимать участие в осуществлении высшей власти» [12, s. 718–719].

Буквально одним предложением они характеризуют социально-экономический уклад Польши и главную его проблему: «Имения польской шляхты огромны, нужда народа безгранична» [12, s. 723]. Далее авторы приходят к выводу, что полнейшая свобода шляхты крайне негативно сказывалась на военном потенциале Польши. С большим трудом государство, которое постоянно испытывало нехватку денежных средств, вело работу по созданию полноценной регулярной армии, которая бы отвечала требованиям времени. Она появилась в Речи Посполитой только в конце XVIII века. Де Пиль и де Керду особо охарактеризовали ополчение шляхты, созываемое на время ведения войны: «Посполитое рушение может составить 100 тысяч всадников, но многочисленное это войско состоит из шляхты, которая в большинстве никогда не покидала домашнего очага; очень чудно вооружённое, оно тянет за собой такой большой обоз, что с большим трудом его можно задействовать в деле. Дворянство заботится только о том, чтобы показать себя как можно пышнее, поэтому великолепие, которым оно себя окружает, больше подходит для празднования победы, чем для армии, идущей на поле боя» [12, s. 725]. В результате рассуждений этих авторов сам собой напрашивался вывод, что военная слабость Польши может стать фактором, способным спровоцировать могущественных соседей на нападение.

Образ Польши и поляков, созданный де Пилем и де Керду, дополняется новыми деталями в совместном труде католических священников Пьера-Николя Ано и Франсуа

Мальфильятра под названием «Два путешественника или письма о Бельгии, Голландии, Германии, Польше, Пруссии, Италии, Сицилии и Мальте, содержащие историю... и беспристрастный отчёт об основных событиях, произошедших в Европе с 1791 по конец 1802 года» [13]. Оба священника вынуждены были покинуть Францию из-за боязни репрессий, поводом для которых мог стать их отказ принести присягу духовенства на гражданской конституции.

В своей книге они старались рассказать о всяких проявлениях экзотики, о всём том, что отличало Польшу от Франции. С одной стороны, их поражали проявления отсталости, в частности, – катастрофическое состояние дорог. С другой же, они удивлялись богатству и культуре домов магнатов, а также знанию иностранных языков представителями польской элиты. Ано и Мальфильятр заключали: «Конечно, мнения, высказываемые в нашей стране о жителях Польши, не совсем справедливы. Считается, что они всё-таки полусарматы, менее цивилизованные, чем есть на самом деле. А правда в том, что ни одна другая нация во многих отношениях не похожа так на французов» [7].

Как пишет польский историк Пётр Угневский, авторы обоих отчётов (Фортиа де Пиль с Буажеленом де Керду и Пьер-Николя Ано с Франсуа Мальфильятром) очень критически относились к восстанию Костюшко, рассматривая его как катастрофический результат влияния якобинских идей и принятия террористических методов французских якобинцев. Хотя они и похвалили Конституцию от 3 мая за её умеренность, а её авторов за здравый смысл, который те в неё вложили, однако выразили разочарование в том, что поляки выбрали путь противодействия давлению со стороны соседей, который привёл страну к катастрофе» [7]. В частности, де Пиль и де Керду убеждали читателей в том, что поляки «должны были забыть ту роль, которую они сыграли в истории, и броситься в объятия одного из своих соседей, заключив с ним разумное соглашение». П. Угневский с сожалением констатирует, что эти французские дворяне не понимали упорства поляков, их стремления сохранить независимость, достоинство, патриотические и гражданские ценности [7].

Один из самых колоритных персонажей своего времени, известный во всей Европе писатель, путешественник и авантюрист из Венеции Джованни Джакомо Казанова де Сейнгальт прославился прежде всего благодаря своим любовным похождениям, описания которых можно найти в мемуарах «Истории моей жизни» [14], которые Казанова задумал написать, когда ему было почти семьдесят лет. В них имеются довольно пространственные описания его приключений в Польше, а также его впечатления о Польше и поляках.

Казанова прибыл в Варшаву 10 октября 1765 г. с рекомендательными письмами из Санкт-Петербурга. Князем Адамом Казимиром Чарторыйским он был представлен Станиславу Августу Понятовскому, который поддержал венецианца финансово и позволил находится подле себя. Как писал сам Казанова: «С тех пор я присутствовал при одевании короля, не пропуская ни одного дня» [15]. Адам Чарторыйский представил Казанову также своему отцу – Августу Александру Чарторыйскому, воеводе русскому. Описывая его внешний вид, Казанова изображает типичного рыцаря-сармата. При этом он повествует о текущих внутривосточных проблемах Речи Посполитой и о той роли, которую играл в польской политике Август Александр: «Я нашёл этого знаменитого человека окружённым лицами его свиты, одетыми в национальный костюм, в больших сапогах, в кафтанах, с обритой головой. Этот-то воевода и был главной причиной беспорядков в Польше. Недовольный положением, которое он и его брат, литовский канцлер, имели при дворе, они стали во главе заговора, который должен был низвергнуть с престола саксонского короля и заместить его, с поддержкой России, молодым Станиславом Понятовским, который был назван Станиславом-Августом» [15].

Будучи человеком наблюдательным и довольно ироничным, Казанова часто шутил о титуломании польской магнатории, о шляхте и даже о монархах, включая королеву Франции – супругу короля Людовика XV Марию Лещинскую (дочь польского короля и великого князя литовского в 1704–1709 и 1733–1734 годах Станислава Лещинского – А. К.).

Быстро войдя в светское общество Варшавы, Казанова вёл образ жизни, как он сам считал, образцовый: избегал любовных связей и карт, и работал на короля, надеясь стать его секретарём. Однако вскоре этот образ жизни был прерван конфликтом с графом Браницким. Говоря о Браницком и об его друге – полковнике Бининском, Казанова констатировал: «Под внешностью светскости и мягкости поляки сохранили кое-какую дикость. Как в порывах их дружбы, так и в проявлениях их злобы виден ещё сармат или скиф» [15].

Дуэль с Браницким закончилась ранением Казановы в руку и куда более серьёзным ранением его противника. Происшествие это оказалось резонансным. Сам Казанова позже писал, что последствия дуэли были тяжелы: вызовы на новые дуэли, на которые он «имел благоразумие не отвечать», буквально сыпались со всех сторон; он потерял благорасположение короля и вынужден был покинуть Польшу. Повествуя о переменах в отношении к нему короля и других своих покровителей, Казанова приводит небезынтересное мнение о поляках князя Сулковского: «Я встретил воеводу русского (Августа Александра Чарторыйского – А. К.): он почти не удостоил меня поклоном; увидел я также короля, но Его Величество даже не посмотрел на меня. Спросив польского посланника во Франции князя Сулковского о причине такой перемены, я получил следующий ответ: “Это следствие национального характера; мы – очень непостоянны; вы знаете поговорку: „Sarmatorum virtus veluti extra ipsos” (“У сарматов нет добродетелей; они только их показывают”)?» [15]. Впрочем, вскоре Казанова получил возможность убедиться, что прохладное к нему отношение короля должно было стать стимулом для быстрее его отъезда из Польши. Тысяча дукатов, которые Станислав Август ему послал для погашения долгов и на оплату поездки за границу [15], убедили Казанову, что последний действовал исключительно в его интересах.

Свою лепту в создание образа Польши и поляков в восприятии европейцев внёс и выходец из Силезии Иоганн Йозеф Кауш, который вёл врачебную практику в столице Силезии Вроцлаве (в ходе Первой Силезской войны 1740–1742 гг. город был присоединён к Пруссии – А. К.), а затем в Миличе (Нижняя Силезия). Своё путешествие в Польшу он описал в книге «Новости о Польше», вышедшей в 1793 г. В ней содержатся точные наблюдения автора, касающиеся Польши, её общественного строя, национального характера поляков. Кауш рассказывает о бедности крестьян, об ошеломившем его состоянии рабства, в котором они пребывали, и заключает, что крестьянское население страны уничтожает нужда и отсутствие поддержки со стороны государства [3, s. 41].

Очень впечатлило Кауша устройство крестьянской хаты, её отопление по-чёрному. Он пишет: «Первые жители земли не могли жить примитивнее! Даже кочующие народы видимо не ставили в местах своих постоев худших жилищ. На каждом шагу здесь видны следы пожаров» [16, s. 356]. Крестьянские хаты, стены которых строились из очень плотно сплетённого сухостоя и для утепления обмазывались глиной; с крышами, крытыми соломой или камышом, которые поддерживались деревянными столбами и балками [17, s. 38], действительно становились лёгкой жертвой пожаров.

Обращает внимание Кауш на особое отношение к женщинам в среде польской шляхты: «Ещё удивительнее, когда видишь, как тот же дворянин, перед которым все в его деревне трепещут от страха, с нежной галантностью ведёт себя по отношению к своей слабой половине, <...> жене. Даже когда он сильно злится, его гнев сразу тает, как только его любимая половинка, которая обычно управляет не только домом, но и хозяином этого дома, горячо просит его о чём-то. В целом к женщинам в Польше относятся с уважением, граничащим с обожествлением. Поклон за поклоном, целование руки за целованием рук практикуются здесь гораздо чаще, чем где бы то ни было» [18]. Обратной стороной этой зависимости от слабого пола, ставшей следствием чрезмерной увлечённости шляхтичей, особенно молодых, любовными ухаживаниями за его представительницами, стало очень широкое, как констатирует Кауш, уже не как путешественник, а как врач, широкое распространение венерических заболеваний: на 10 больных – 6 с венерическими болезнями [16, s. 289].

Обратил внимание на проявления сарматских традиций и моды в Польше ещё один немец – литератор и библиотекарь Иоганн Эрих Бистер, побывавший там в мае–июне 1791 г. Он анонимно опубликовал в 1791–1793 гг. отчёт о своём путешествии, в котором не смог удержаться от мелких критических замечаний по поводу внешнего вида шляхтичей: «Польскую шляхту, особенно в деревне, обвиняют в гордыне. Действительно, когда шляхтичи ходят в национальных костюмах, они производят впечатление чрезвычайно тщеславных. Этот наряд своим кроем и формой рукавов напоминает турецкий костюм, однако обувь поляков настолько чудесна, что её даже нельзя сравнивать с турецкой. Складывается впечатление, что турецкая одежда приспособлена для <...> ленивого человека, который только переползает с дивана на диван в своих покоях. А вот польская идеально подходит для смелых мужчин, так как позволяет им свободно передвигаться пешком и верхом» [19, s. 201–202].

Очень ёмкий художественный образ Варшавы периода Четырёхлетнего сейма (1788–1792 гг.) создал немецкий писатель (выходец из Магдебурга), переводчик и педагог Фридрих Иоахим Христофор Шульц. Как пишет Вацлав Завадский, никто из иностранцев до Шульца или после него не смог сделать на этом поприще чего-то большего» [3, s. 38]. Шульц много путешествовал, но чаще всего жил в Веймаре, Берлине и Вене. В 1789 г. он находился в Париже, где стал свидетелем революционных событий, которые впоследствии описал в своей «Истории великой революции во Франции» (1789 г.), которая отличалась полным беспристрастием автора. Равно как и другое его сочинение – «О Париже и парижанах» (1791 г.), представляющее собой наглядную картину нравов Франции конца XVIII в., которое стало первым опытом Шульца в области образотворчества.

В 1791 г. по рекомендации герцогини Курляндской Доротеи он получил приглашение стать профессором истории в Митавскую академическую гимназию в Курляндии. В Митаве (ныне Елгава в Латвии) Шульц приобрёл доверие и расположение местных бюргеров, которые боролись против привилегий шляхты, взявшей в Курляндии власть в свои руки. Осенью 1791 г. они делегировали Шульца в Варшаву, уполномочив защищать интересы курляндского бюргерства на Четырёхлетнем сейме [3, s. 36]. Ревностно выполняя порученную ему работу, Шульц восстановил против себя высшую шляхту, которая попыталась, хотя и тщетно, оклеветать его перед правительством Речи Посполитой.

Поскольку о литературных заслугах Шульца современная ему критика была очень высокого мнения, а сам он, по словам его современников и друзей, был человеком в высшей степени даровитым, прекрасно образованным, очень находчивым и остроумным, с добрым и впечатлительным сердцем, сказанное им о Варшаве и варшавянах заслуживает особого внимания и доверия [20]. В частности, он писал: «Так выросли дворцы и хаты, князья и нищие – физическая и моральная основа быта Варшавы. Рядом с дворцами господ выросли костёлы, при них монастыри <...> выросли дворцы банкиров, дома купцов и спекулянтов» [3, s. 39]. Шульц подчёркивает резкий контраст между большим богатством и ужасающей бедностью. Большинство населения, которое составляют бедные люди, голодает, когда всё в столице дорого и недоступно для бедного человека: «Дорогим является даже то, что в первую очередь необходимо для жизни, за что приходится платить и беднякам, и богачам: хлеб, мясо, соль, древесина, пиво, освещение и жильё. Страна, которая так обильно поставляет хлеб другим, должна своим собственным детям давать на самом деле его даром; однако наоборот, часто он здесь дороже, чем где-либо в другом месте, а цена топлива настолько высока, что много жителей мёрзнет» [3, s. 39]. Рисует он также и образ жизни высшего света (шляхты, банкиров), составной частью которой были балы, приёмы, пикники, танцы, ассамблеи и т. д. [3, s. 39–40]. Его представителям, погрязшим в развлечениях и удовольствиях, не было дела до просвещения, науки: «Литература здесь – как вообще всё – мертва. Пресса стоит. Пара книжных магазинов закрыты их хозяевами, от книг стараются избавиться, за бесценку отдают их перекупщикам. Науки снова погрузились в глубокий сон, как и прежде» [3, s. 37].

Число авторов, внёсших свой вклад в создание в восприятии европейцев XVIII в. образа Польши и поляков, не исчерпывается названными в статье именами. Однако и другие авторы, побывавшие в Польше и имевшие возможность познакомиться со своеобразием её политического устройства, общественной жизни, хозяйства, с царившими в ней порядками, нравами и пр., оставили воспоминания и характеристики, схожие с приведенными выше. Все они вместе, имея высокий уровень образованности, позволявший адекватно оценить увиденное, необходимые для этого способности и таланты, а также возможность совершенно свободно выражать своё мнение о Польше и поляках на страницах собственных сочинений, создали в целом некомплементарный образ польского государства и правящего в нём сословия – шляхты. Все они отмечали неэффективность архаичной и во многом фантазийной модели политического устройства Польской Короны (и Речи Посполитой в целом), абсолютно нежизнеспособной в изменившемся и продолжающем стремительно меняться мире. Главной причиной упадка польской государственности и приближающегося её краха они считали «золотые шляхетские вольности», погрузившие страну в анархию, ослабившие её и превратившие в объект захватнических устремлений могущественных соседей. Симпатии авторов были лишь на стороне крестьян, которые с их точки зрения не заслуживали такой жалкой участи, которую готовила им безраздельно господствовавшая в стране шляхта.

Источники и литература

1. Васильев, А. Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы [Электронный ресурс]. – С. 215–248. – Режим доступа: <https://roii.ru/crises/roii-crises-8.pdf>. – Дата доступа: 24.02.2024.
2. Травкина, А. А. Специфика польского романтического мессианизма XIX века [Электронный ресурс] / А. А. Травкина. – С. 56–64. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-polskogo-romanticheskogo-messianizma-xix-veka?ysclid=ltcsd1ruox462565959>. – Дата доступа: 04.03. 2024.
3. Zawadzki, W. Wstęp / W. Zawadzki // // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 1: – S. 5–46.
4. Saint-Pierre J.-H.-B., de. Podróż po Polsce / J.-H.-B. de Saint-Pierre // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 1. – S. 199–212.
5. Coxe, W. Podróż po Polsce, 1778 / W. Coxe // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 1. – S. 559–703.
6. Vautrin, H. L'observateur en Poljgne [Ressource électronique] / H. Vautrin. – Paris: Giguet et Michauds, 1807. – 484 p. – Mode d'accès: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hxj9gm&seq=8>. – Date d'accès: 23.02.2024.
7. Ugniewski, P. Francuzi w Polsce w drugiej połowie XVIII wieku [Zasób elektroniczny] / P. Ugniewski. – Reżym dostępu: https://www.wilanow-palac.pl/francuzi_w_polsce_w_drugiej_polowie_xviii_wieku.html. – Дата доступу: 21.02.2024.
8. Vautrin, H. Obserwator w Polsce / H. Vautrin // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. Т. 1 / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – S. 705–829.
9. «Так повелела мода!» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-154374270_4485?ysclid=lszsbhbhxo503237247. – Дата доступа: 24.02.2024.
10. Караччиоли, Л.-А. Истинный мантор, или воспитание дворянства, сочинённое маркизом Караччиоли, полковником в службе короля польского [Электронный ресурс] / Л.-А. Караччиоли / Пер. с франц. Ф. Полуни. – М. : Императорский Московский университет, 1769. – 174 с. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003334707?page=1&rotate=0&theme=white>. – Дата доступа: 24.02.2024.

11. Piles, F. de. Voyage de deux Français en Allemagne, Danemark, Suède, Russie et Pologne fait en 1790–1792 [Ressource électronique] / F. de Piles, B. de Kerdu. – Paris: Chez Desenne, 1796. – Т. IV. – 400 p. – Mode d'accès: <https://archive.org/details/voyagededeuxfran04fort/page/398/mode/2up>. – Date d'accès: 26.02.2024.

12. Piles, F. de. Podróż dwóch francuzów / F. de Piles, B. de Kerdu // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców: w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 2. – S. 675–727.

13. Anot, P.-N. Les deux voyageurs ou Lettres sur la Belgique, la Hollande, l'Allemagne, la Pologne, la Prusse, l'Italie, la Sicile et Malte; contenant l'histoire... et un récit impartial des principaux évènements qui se sont passés en Europe, depuis 1791 jusqu'à la fin de 1802 [Ressource électronique] / P.-N. Anot, F. Malfillatre. – Rheims : Chez Brigot, 1802. – 372 p. – Mode d'accès: https://archive.org/details/bub_gb_GulaAAAAQAAJ. – Date d'accès: 26.02.2024.

14. Казанова, Дж. История моей жизни = Casanova J. Histoire de ma vie / Дж. Казанова / Сост., вступ. статья, коммент. А. Ф. Строева; пер. с франц. И. К. Стаф, А. Ф. Строева. – М. : Московский рабочий, 1990. – 734 с.

15. Казанова, Дж. Мемуары [Электронный ресурс] / Дж. Казанова. – Режим доступа: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kazanova-dzhakomo/memuari/12?ysclid=lt2og3fjuf756795492>. – Дата доступа: 26.02.2024.

16. Kausch, J. J. Wizerunek narodu polskiego. Opis podróży ze Śląska do Krakowa w Małopolsce / J. J. Kausch // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 2. – S. 267–379.

17. Kamecka, M. E' Autre vu par les voyageurs étrangers visitant la Pologne au XVIIIe siècle / M. Kamecka // Metamorfozy podróży: Kultura i tożsamość / Praca zbior. pod red. J. Sztachelskiej. – Białystok : Wyd-wo Uniwersytetu w Białymstoku, 2012. – S. 36–44.

18. Wójciuk, A. Staropolskie powitanie: «Czołem, panie bracie!» [Zasób elektroniczny] / A. Wójciuk. – Режим доступа: <https://histmag.org/Staropolskie-powitanie-Czolem-panie-bracie-15985>. – Дата доступа: 21.02.2024.

19. Biester, J. E. Kilka listów o Polsce pisanych latem 1791 roku / J. E. Biester // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 2. – S. 185–242.

20. Schulz, F. Podróż Inflantczyka z Rygi do Warszawy i po Polsce w latach 1791–1793 / F. Schulz // Polska stanisławowska w oczach cudzoziemców : w 2 t. / Wstęp i oprac. W. Zawadzkiego. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1963. – Т. 1 – S. 381–673.

УДК 94(476)«18»

Ю. В. Веретилло

Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы

О ФОРМИРОВАНИИ ГУБЕРНСКИХ АКЦИЗНЫХ УПРАВЛЕНИЙ

Недостатки финансовой системы Российской империи остро проявились во время Крымской кампании. Наряду с возрастающими военными издержками, необходимы были огромные денежные средства для индустриализации и покрытия расходов, связанных с отменой крепостного права. Государственный бюджет исполнялся с дефицитом, а покрытие недостающих средств осуществлялось путем привлечения займов. В сложившейся ситуации было принято решение о реформировании финансовой системы в целом и источников пополнения казны в частности. Одним из направлений стал пересмотр системы взимания налога с алкоголя. В статье представлен порядок формирования губернских акцизных управлений, которым предстояло заведовать вводимой акцизной системой взимания питейных сборов.